

ГОАР РШТУНИ

ТЁМА

В доме у Тёмы тихий праздник. Маму привезли из больницы, бабушка бегает по квартире как угорелая и мешает Тёме играть в футбол. В футбол Тёма играет редко, мама не разрешает, но тут её не было несколько дней, и он привык гонять мяч. Вот папа приедет, поедут они в парк, и побегают вдвоём. А то мама не может, говорила, что сестричку ждёт, бабушка не может, хотя никого она не ждёт, кроме папы, конечно. По телефону всегда говорит:

— Ну, мы тебя ждём!

Тёма почувствовал, что хочет есть, и пошёл на кухню. Бабушка поцеловала его и на маленьком столике в углу разложила нехитрый завтрак: молоко, половиночку коржика и яичко с зеленью. Через несколько минут, быстро проглотив яичко, расправившись с молоком и запихав коржик в карман, Тёма умоляюще посмотрел на бабушку:

— Ба, можно спущусь?

— Только под балконом играй, слышишь? Чтоб каждый раз, как выгляну, тебя видела, через весь двор не орала!

Тёма долго одевался, раздумывая, как это он будет всё время под балконом, если Врежик живёт за углом, его ещё и позвать надо. И, вздохнув, поплёлся вниз. Честность у Тёмы была двух видов, даже трёх. Нет, пожалуй, больше. От мамы он скрывал то, что не скрывал от папы, от бабушки скрывал то, что не скрывал от мамы. Но если с ним уговаривались, Тёма покорно исполнял, дома это называли честностью, а Тёма боялся, что его больше не пустят во двор. Так и не понял Тёма, что это такое, эта честность, которая обязательно должна быть при тебе. Врежик оказался в окне и тут же сообщил:

— А у меня прыщик выступил на губе!

— Прыщик? Температура есть? — со знанием дела важно спросил Тёма, ведь это была единственная причина, по которой людей не пускают во двор.

— Градусник сломался, бабуля спрашивает, как называли сестричку?

— Не знаю... Она ещё не разговаривает, только спит. — Бабуля не пускает вниз, говорит, это простудный прыщик, может, заразный!

Тёма обиженно поплёлся под балкон. Ну что можно делать прямо перед домом? Он же не девочка, чтоб в классики прыгать!

Вдруг из арки напротив вышла вереница ребятишек, некоторых по отдельности он видел во дворе. Это были детсадовские. Они быстро заняли песочницы и горки, воспитательницы сели на скамейки, и Тёма издали видел, как им всем хорошо и весело.

— Что хотят, то и делают, если далеко от балконов своих домов, — мечтательно подумал Тёма и побежал к ним.

Постояв минут пять, он опять вернулся под свой балкон. Бабушка выглянула и спросила:

— А где Врежик?

— У него прыщик на губе, сегодня не придёт, — уныло протянул Тёма и, как только бабушка закрыла окно, снова побежал к детсадовскому подъезду. Так за пробежками Тёмик не заметил, что уже обед, и, проводив завистливым взглядом детсадовцев, парами скрывшихся в подъезде, вернулся на свой пост.

— Ба, а как сестричку будем звать?

— Пока Нанулей, сейчас купать будем. Хочешь посмотреть? Только трогать нельзя, это не кукла! Тогда на что смотреть, если нельзя трогать? — сердито подумал Артём и поплёлся на кухню. Бабушка налила ему полную чашку ароматного супа и Артёма разморило. Он прилёг в кресло смотреть мультик и тут же заснул. Проснулся он от тихого разговора:

— Надо его в садик, сегодня бегал туда, стоял, смотрел, потом обратно к нашему подъезду, — шептала бабушка.

— Жалко мне его, пусть дома сидит, — неуверенно сказала мама. Но её в доме слушался только Тёма, а мама слушалась остальных, то есть бабушку и папу.

— Надо, чтоб с детьми общался, там буквам выучат, порядку научится, музыку послушает...

— Да уж, сейчас дома только одна музыка будет, — рассмеялась мама.

Решался очень важный вопрос. Отправлять Тёму садик или нет. Тёма не знал, что это очень мучительный вопрос во всех семьях, он вообще мало что знал. Даже не знал, почему в садик надо так долго ждать, ещё до рождения мамы. Она по телефону говорила тёте Оле, маме Врежика:

— Вот мы ещё не родились, а уже в очередь встали!

Тёма сам в очереди не стоял, но мама давно задавала всякие вопросы о садике:

— В садик хочешь? А плакать не будешь? А сам оденешься? А рано вставать сумеешь?

Что-что, а Тёмик поспать любил. Маму не поймёшь, когда он спит, она его будит, а когда Нануля весь день спит, радуется:

— Тихо, пусть спит, пусть спит!

— Ба, я хочу в садик, там дети в песочнице играют, а у нас под балконом нету песочницы! — пожаловался Тёма.

— Ну и хорошо, раз сам захотел, как раз зарплату папа получил. С понедельника и пойдём, — обрадовалась мама.

Она всегда так говорит и папе, и Тёме:

— Я хочу, чтоб ты сам захотел!

Несколько дней Тёма ждал, когда у Врежика пройдёт прыщик на губе. Наконец другу разрешили спуститься.

— А я в садик пойду! — выпалил Тёма самую важную новость.

— А меня не пускают, говорят, когда встану, сильно вспотею и ещё не умею сам одеваться. А я только шнурки не умею, — обиженно насупился Врежик.

— Шнурки я умею, а потею, только когда бегаю. А ты стоя потеешь?

— Не знаю, бабушка говорит, что вспотею. У тебя хоть сестричка уже есть, мама сказала. А у меня... мама говорит, хватит с неё, — безнадёжно махнул рукой Врежик.

— А причём тут мама? Сестричку нам в больнице присмотрели. Спит всё время, с ней не поиграешь, — попытался утешить друга Тёма.

— Как причём? Кормить надо, на горшок сажать. У нас всего один горшок.

— Врежик, пойдём к их песочнице, ты будешь ходить к нам, а я с тобой буду разговаривать. Вот и получится, что оба в садик ходим! — обрадованно предложил Тёмик.

— Мне от балкона нельзя. Ваш за углом, садик виден...

— И мне нельзя... — приуныл Тёма.

Наконец утро наступило. Тёме дали в руки букетик каких-то «гербер», мешочек со сменной обувью, и мама с Тёмой быстро зашагали к подъезду детского сада.

— Смотри, без меня не выходить! Я зайду за тобой! — всю дорогу заученно повторяла мама. Как будто он не знает!

Воспитательница, совсем молодая тётенька с хвостиком на голове, показала Тёме шкафчик с вишенками, положила туда его ботинки и строго сказала:

— Только сюда, смотри, где вишенки.

Но Тёма посмотрел как раз на другие, чтоб удостовериться, что у других нет вишенок. Были цветочки, грибочки, рыбки, солнышко. Уверившись, что

не перепутает, он закрыл дверь и пошёл в зал. Там уже сидели дети и рисовали. Тёма обрадовался. Рисовать он любил. И не танки с самолётами. Он любил рисовать космос. Заворачивал круги разных цветов и на них рисовал жёлтые звёзды. Получался космос. Сегодня он умудрился пририсовать длинную трубу с острым концом, это была ракета в космосе.

— Ты гречку любишь? — спросил его рыжий толстый мальчик, которого Тёма не знал.

— Я только гороховый суп не люблю. Он горький, — сообщил Тёма. — Я гречку люблю, а Сима не любит. И мне отсыпает.

— Возьми, мне не жалко, — поспешил уступить Тёма и потом уже подумал, что отдаст половину, он тоже гречку не любит.

После обеда дети побежали в туалет, потом в спальню, но спать не хотелось, да и было невозможно заснуть, так все галдели. Вошла воспитательница, постепенно все замолчали, и Тёма проснулся, когда уже почти все были одеты и кувыркались на кроватях.

Покормили ещё раз, один мальчик, тоже новичок, сел с ним за один столик, но не притрагивался к кефиру. Воспитательница подошла и спросила:

— Андрюша, а ты почему не ешь? Не любишь кефир?

— Люблю. Но только с крошеным хлебом, — пробурчал новенький Андрюша.

— Ну и покроши, если любишь. Вот же хлеб!

— Мне мама всегда крошит, — обиженно объяснил Андрей и добавил, — или бабушка.

Тёма неуверенно взял кусочек хлеба и покрошил в Андрюшину чашку:

— Вот так, смотри!

Артём уже начал ждать маму. Часов в зале не было, но все знали, что как только уберут со столов, уже начинают приходить родители.

Со счастливыми улыбками дети по одному выбегали в коридор и, столпившись у шкафчиков, переобувались, одевались и застёгивались с помощью мам и пап.

С каждым выбегавшим ребёнком у Артёма сердце падало всё ниже и ниже, пока совсем не упало. Неужели мама могла забыть? Может, Нануля проснулась? Тогда бабушка. Но мама сказала, что сама зайдёт, она никогда Тёму не обманывала.

Уже никого не осталось, воспитательница заглянула в зальчик и, увидев грустное лицо мальчика, ободряюще сказала:

— Артём, маму ждешь? Придет она, не бойся, — и ушла.

Может, забыла? Нет, бабушка напомнила бы. Она всё время спрашивает:

— Где Тёма? А, здесь! — но это когда он дома. А когда не дома?

Мама прибежала и быстро-быстро вытащила Тёма в коридор.

— Тёмчик, скорей, я Наночку у бабули оставила, заорёт, как только поймёт!

Тёма быстро натянул ботиночки, сунул сменную обувь в свой шкафчик и побежал говорить «До свиданья».

Мама крепко держала его за руку, они терпеливо ждали, пока появится зелёный свет, и поскорей перешли улицу, прежде чем не загорится снова красный. Улица широкая, пока перейдёшь, машины просто рвутся, не могут подождать. А ведь водители не пешком ездят, они и так быстро доберутся, куда едут, — всегда удивлялся Тёма. Он решил, что когда вырастет, будет всегда уступать, пешеходам.

Дома Тёма бросился в свою комнату, трогал свои игрушки, книжки, словно всё лето не видел их.

Из кухни доносились запахи любимой долмы. Тёма побежал на кухню, потом вспомнил, что надо помыть руки, поплёлся в ванную, он не любил мыть руки. К мылу относился с подозрением, оно почему-то всегда выскальзывало из рук. Вот недавно мама поставила бутылочку, надавил — и мой себе на здоровье.

Садик на второй день показался чуть привычнее, но день всё равно тянулся страшно медленно. Наконец, начался «мамин час», это когда уже можно ждать. Вдруг Тёма опять обнаружил, что остался совсем один. Всех забрали, а воспитательницы собрались в кабинете у заведующей и что-то громко обсуждали.

Тёма постепенно стал понимать, что садик ему не нравится. Запах в туалете, а у них дома вкусно пахнет лимоном. Гречка совсем и не гречка, а каша какая-то, почти что суп. Хлеб черствый. Кефир кислый, бабушка туда варенье добавляет. Но особенно было невыносимо ждать маму. Все папы, мамы, бабушки уже увели своих деток, как же так? Все дома знают, что он в садике и не может там остаться на ночь! Он ведь так близко живёт!

Наконец Тёма понял, что про него забыли.

Осторожно выскользнув из незапертых дверей, он помчался в сменной обуви к переходу. Не сводя глаз со светофора, Тёма сердцем отсчитывал секун-

ды. Зелёный! Он быстро — быстро перебежал через улицу, нырнул в арку и побежал через двор к своему подъезду. Сердце колотилось, и от бега, и от чувства вины перед мамой, ведь он дал слово не выходить без неё!

Тёма стоял перед подъездом, не решаясь войти. Если рассердятся, то могут больше не пустить ни в садик, ни во двор...

Тёма нажал на домофонные кнопки. Раздался хрип, бабушка спросила:

— Кто?

— Идите, заберите из садика Рушаняна Артёма! — подтянувшись на цыпочках, быстро прокричал Тёма в домофон и опрометью кинулся обратно.

ПРОДАВЕЦ УЛЫБКИ

Далёкие пятидесятые годы. Опера уже построена, красавица-площадь Ленина — почти закончена, скоро первый Крытый рынок с роскошным узорным фасадом и сказочными арками украсит начало проспекта имени Сталина. Ереван уверенно становился одним из красивейших городов СССР. А трамвайная линия, эдакий символ цивилизации, простёрлась аж до конца улицы Баграмяна. Взрывали кладбище на краю старого города, строили дома для новоприезжих — репатриантов, построили там и нашу школу — во дворе мальчишки долго ещё черепашками гоняли в футбол. А чуть выше Оперы поднялось великолепное здание ЦК — гордость нашей архитектуры, какое счастье, что нынешние олигархи не могут его переделить. Немного выше, там, где сейчас улица Кутузова, трамвай делал круг. Удлинили линию, там прежний трамвайный круг чуть ли не до сих пор называют Старым. Через несколько лет и троллейбус подтянулся, город расширялся, срастаясь с окрестными посёлками. На улице Комитаса Ереван вобрал в себя Новый Арабкир, зелёный, весёлый район с красными туфовыми домами. Там-то отец и приобрёл земельный участок и стал строиться. Как строил, с кем и сколько — это отдельная эпопея. Скажу только, что как только закончил огромный особняк — пришли сносить.

Но выросла я в Арабкире, благословенном уголке Еревана, и стал он моей родиной после исчезнувшей улицы Энгельса в центре города, где я родилась и пошла в школу. Про наш сад на окраине столицы написал сам Ганс Христиан, который Андерсен: «Хорошо было за городом!» Гадкие утята щипали

траву у речки перед домом, куры, гуси, утки паслись по всей улице, которую сейчас братья Ерицян перерезали, вот прямо на месте их магазина и паслись.

Магазин на всю улицу был всего один, напротив армянской школы имени Ширванзаде (второй и третий классы я ходила в эту школу, где имелось по одному русскому классу на параллель). Это был маленький магазинчик на углу в сторону Часового завода — продавцом там служил голубоглазый и хромой Бабкен. Дети Бабкена плохо учились и курили ещё в школе. Обсчитывал он нагло, цинично и бесстрашно, глядя голубыми глазами на покупателя. Потом за обвес и обсчёт Бабкена сняли, вместо него пришёл приезжий ирано-армянин Седрак. И все тут же стали называть его Сето.

Позднее на месте бабкеновского магазинчика построили многоквартирный дом, пустив первый этаж под кафе «Восточные сладости», где готовили отличное ламаджо, тогда лучшее в городе.

Вот про Сето я и хочу рассказать. Приехал Сето из Тавриза. Как я выяснила для себя ещё в детстве, армяне всегда откуда-то приезжают, потому что мама всегда у всех спрашивала:

— Вы откуда приехали?

(Это сейчас армяне спрашивают: *Ур ен гнацел? Куда уехали?*)

Сето был очень услужливым и юрким продавцом. Он умудрялся обслужить сразу нескольких покупателей, поболтать с каждым и одновременно заговорить с вошедшим.

— Тикин Заруи, калбаст чарнес. Колбасу не покупайте! Завтра свежую получим, — с обаятельной улыбкой выпроваживал он тётушку Заруи перед закрытием, а последний круг колбасы отвешивал дяде Артушу, у которого собака съедала весь его прожиточный минимум.

Мне он продавал бутылку сухого белого «Раздана» или «Меградзора». Почти каждый день у нас бывали гости, для таких нечаянных случаев отец посылал к Сето, и на столе всегда красовалась бутылка белого сухого вина. Иногда отец просил «Гарни». Это уже красное сухое. Значит, один будет гость, дядя Вазген. Он любил только «Гарни». А мы любили его, красивого, сильного мужчину с умным и добрым взглядом из-под косматых бровей. С отцом они дружили почти всю жизнь, мы обожали слушать их беседы, рассказы о войне, шуточные воспоминания и обсуждения последних новостей в мире.

Сето высыпал сдачу на тарелку и предупредил:

— Не потеряй! Доктору — поклон! Папаша Паргев, я сейчас! — и нёсся к Паргеву, который пришёл за хлебом. Тут я вспоминала, что надо было и

хлеб купить. Но Сето сам принёс хлеб для меня, сказав, что уже взял за него деньги:

— Сегодня мама твоя хлеб не брала, а вчера утром вы всего три хлеба купили, я сдачу не дал.

Надо сказать, что в те годы хлеб в магазине просто так не продавали. Вернее, вот так войти в любое время и купить было нереально. Мы с младшей сестрой утром рано приходили в хлебный, стояли в очереди, а продавщица не слезала с телефона:

— На заводе говорят, что выехали!

Ехать было минут 20, но ждали, как правило, часа два или даже три. Но за таким хлебом стоило стоять! Пышные белые буханки звали «Рушаки». «Кармир Рушак» — это хлебозавод с высочайшим качеством. Я знала пенсионеров, которые пешком преодолевали немыслимые расстояния до магазина, где продавали «Рушаки хац».

Сето обслуживал почти весь близлежащий район. В его магазин с удовольствием ходили, здоровались, закрывали глаза и на мелкий обсчёт, и на незначительный обвес — непременные атрибуты любой торговли. Но он не переходил границ, его намётанный глаз тут же выделял чужака, и ни один фининспектор не мог уличить его в обвесе или обсчёте.

Магазин расширили, хлебный отделили. Отремонтировали, купили новые полки и прилавки. Сето торжественно носил белоснежный колпак, щеголяя в таком же халате. Ослепительная его улыбка довершала великолепную картину.

— Доброе утро, что сегодня берём? — участливо спрашивал Сето, и его белоснежный колпак порхал за прилавком.

Помощник Сето проворовался сразу же. Потом приняли на работу женщину, пухленькую Жасмин. Эта вообще не давала медной сдачи. Написав кучу анонимок, жители отвергли и её.

А Сето старел, болел, мы заканчивали школу, университет, Сето привёл в магазин родную сестру, бывшую медсестру. Все были довольны: и он, и жители района, и Горторг.

Однажды я приехала домой на каникулы. Зашла в наш магазин. За прилавком стоял незнакомый мужчина, безразлично глянувший на вошедших. Долго взвешивал, заворачивал, отсчитывал сдачу. И её недодал, и граммов на 50 меньше масла взвесил. И с выражением какой-то брезгливости или презрения протянул одну единственную покупку. Я у него не смогла взять ещё что-нибудь.

Умер наш Сето. На похороны приехало очень много народу, можно сказать, почти все его покупатели. Вообще, значимость людей после смерти видят на похоронах. Мама рассказывала, что почти вся улица Комитаса, ближе к нам, была запружена, что магазин хотят закрыть — внизу другой построили, а на углу будет книжный. Внизу — это поближе к городу, к Еревану.

Всё же продуктовый оставили, расширили, переделали и оставили. Приехали жить новые люди, вместо снесённых частных домов построили много хрущёвок. Но никому и в голову не приходило, что много лет тут работал продавец, который с утра до вечера дарил всем улыбки, и новый магазин своими просторами обязан его искусству продавца.

Человек без улыбки на лице не должен открывать магазин. Древнекитайская мудрость.

